

Александр Орлов

Жажда возврата

*Гори, Донецк неопалимый,
И не сгорай...*

Священник Дмитрий Трибушный

За то недолгое время, что я живу в столице нашей Родины, я понял, что для москвичей или вообще для всех жителей России три вокзала—место в определённом роде мистическое или святое. Оно хранит тайны встреч и расставаний неимоверного количества людей. Мы едем в метро на Казанский вокзал, и, наверное, Аня обижается на моё молчание. По крайней мере, мне кажется: это читается в её глазах. Она не знает, что я не просто молчал: пока её взгляды скользят между моим лицом и экраном айфона, я мысленно готовлюсь к экзамену по истории. Совсем скоро ЕГЭ, и я должен сдать свой выпускной как можно лучше. Я нужен своей стране, я обязан быть одним из лучших, я вернусь и буду восстанавливать мой город, рассказывать историю моей страны всем, кто младше меня и кто остался в Донецке, ту настоящую историю, которую пытались отнять у моего народа.

Итак, немного мысленного тренинга. Казанский до 1894 года назывался Рязанским, современное здание было построено по проекту Щусева, работа над ним началась в 1913-м, а закончилась в 1940-м годах. Возведён в стиле русского модерна, в ЕГЭ ещё встречался на марках и монетах, в создании интерьеров участвовали Рерих, Бенуа, Кустодиев, Лансаре и кто-то ещё, не помню. Старейший вокзал Москвы—это Ленинградский, именовался Петербургским, Николаевским и Октябрьским, построен по проекту Тона, а впоследствии его усовершенствовал Желязевич. Строительство началось при Николае I в 1842 году. Ярославский вокзал, он же Троицкий или Северный, построен по проекту Кузьмина в 1862 году, а перестраивал его уже Шехтель, стиль неорусский, есть монета банка России с изображением Ярославского вокзала. Как бы это всё не забыть в самый ответственный момент; надеюсь, Бог не выдаст.

Всё, я должен остановиться, а то Аня обидится. Слышится объявление, и мы выходим на нашей остановке. В метро немногочисленно, и это неудивительно: уже половина первого только что наступившего летнего дня. Мы быстро оказываемся

на вокзале, немного спешим, я сжимаю ручку чемодана моей девушки, поправляю лямку рюкзака за спиной и успокаиваю её, что мы успеем, что всё будет хорошо. Мы и правда опаздываем, и я виноват в этом, наше домашнее прощание затянулось. Вдали показались Анины родители. Её приветливый папа крепко жмёт мне руку и забирает вещи, а взволнованная мама целует меня в щёку и говорит, чтобы мы быстро прощались. Не люблю время расставаний, всё время хочется сказать что-то особенно важное. Мы молча обнялись. Она ещё ничего не знает о том, что известно мне; когда я поцеловал её, то чуть не заплакал, но сдержался, я же мужчина.

— Я буду очень сильно ждать нашей встречи,— и это единственное, что я смог сказать.

Моя мама права: я суховат в общении, и я помню, когда появилась эта сдержанность.

Той июньской ночью я проснулся от взрывов. Я ничего не мог понять, но в окне я увидел что-то светящееся, пролетающее над домами. Мне стало так страшно, что я сдался, я сразу принял надвигающуюся на меня смерть; я прыгнул в кровать, спрятался под одеяло, закрыл глаза и сквозь слёзы стал просить Бога пощадить меня, ведь я ещё маленький и хочу жить; но ждал я смерти, а под одеялом было темно, и я покрывался потом и думал, что так приходит смерть. Я ждал её, а она не приходила, словно хотела насладиться моим страхом, радовалась моей беспомощности, она играла со мной, и я стал понимать, что смерть играет со всеми нами, и этому нет завершения. Как я выпрыгнул из кровати, я не помню: скорее всего, я выпал из неё. Стены тряслись, будто бы готовы были распасться в разные стороны, я не мог удержаться на ногах, пол ходил ходуном подо мной, всё вокруг пришло в неуправляемое движение, а над головой раскачивалась по неимоверной траектории огромная люстра, которую покупал ещё мой дед, и казалось, что она упадёт и раздавит меня. Я упал посередине комнаты и закрыл голову руками, я опять унижительно ждал смерти, а она оттягивала момент нашей встречи, наслаждаясь моим детским страхом, горячими слезами и ледяными мурашками. Мне захотелось убежать от неё, это было первое чувство непокорства пришедшей за мной и моим городом

смерти, я словно осмелел, я вскочил и побежал. Счастливые пролёты я не помню, но, как только я выскочил из подъезда, крепкие руки подхватили меня и прижали к себе. Это был отец, который уже успел вынести двух младших сестрёнок. Он держал меня так крепко, что казалось, никогда не отпустит; я плакал, но вдруг понял, что бабушка осталась там, там, где смерть, одна с ней наедине, а она такая хрупкая, совсем старенькая, она едва передвигается после двух инсультов, и я стал кричать: «Папа, папа, папа, а бабушка, а бабушка как же? Она там! Папа спаси её!» Отец не выпускал меня из рук, и я почувствовал, что он плачет. Его мама осталась там, со смертью, и, может быть, навсегда. Всей семьёй мы укрылись в подвале, а когда опасность миновала, то вернулись домой.

Я смотрел, как удаляется от меня фирменный поезд «Таврия», и думал о том, что моя Аня скоро увидит в окно поезда всю красоту новой железнодорожной линии, будет радоваться пейзажам Кубани, которая отошла России по Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 года и хранит славные победы екатерининских полководцев: Долгорукова, Румянцева, Суворова, — восхищаться Керченским проливом, где непобедимый русский флот святого праведного Фёдора Ушакова в 1791 году уничтожил турецкую армаду, а потом Крым, присоединённый Россией в 1783 году и не забывший славного Потёмкина, сделает её счастливой до того мгновенья, когда я буду вынужден рассказать ей всю правду; главное, чтобы хватило сил именно сказать, не написать, не воспользоваться голосовым сообщением, а произнести слова, которые, возможно, сделают её несчастной, и она поймёт, почему я был так сдержан последнее время. Но что делать мне? Так надо, я должен, я не могу иначе...

Не могу понять почему, но именно сейчас я вспомнил, как в первую ночь знакомства со смертью после обстрела мы вернулись домой и я увидел бабушку, которая улыбалась. На мгновенье мне показалась, что она сошла с ума, но, видимо, бабушка уловила семейное смущение и сказала: «Слава Богу, все живы! А я за всех нас Богородицу молила, ни на секунду не оставалась». Бабушка всегда почитала икону «Умягчение злых сердец». Теперь этот любимый бабушкин образ плачет или мироточит, но главное — Донецкая икона Божьей Матери «Умягчение злых сердец» путешествует по линии фронта. Вернусь в Донецк — и сразу к бабушке на могилу, а потом хочу посмотреть на памятник императору Николаю II, который установили в посёлке Горняк на территории храма в честь Святых Царственных Страстотерпцев, и к отцу Виктору за благословением.

На Донбассе жизнь и смерть живут по соседству и, кажется, заходят друг другу в гости.

Не могу забыть, как после всего пережитого в первую ночь мы с папой пошли копать червей, потом отправились на рыбалку. Дорога пролегла мимо частного дома, который принадлежал учителю английского языка из моей школы. Я увидел, что его дом повреждён, а в огороде осталось несколько воронок от попадания снарядов. Сдержаться я не смог, ведь этого учителя никто не любил. Мой подлый смех прервал отец, который сказал, что чужая беда должна восприниматься как своя, что мы живём сердцем и в этом главное отличие между нами и врагами, и поэтому мы победим. Вскоре мы вернулись домой с хорошим уловом. Одного из трёх сазанов мы отдали нашей соседке, белого амура выменяли на три литра молока для сестёр и бабушки, остальное съели сами всей семьёй.

Вспомнив бабушку, я подумал, что в ту ночь я молился с ней одновременно и что я не верил раньше в Бога, но уже под утро поверил сразу и на всю жизнь, которая мне отведена. Мы всей семьёй крестились уже в Москве, в храме Усекновения главы Иоанна Предтечи Новодевичьего монастыря. Перед тем как мы крестились, я узнал, что этот храм был ранее взорван во время наполеоновского нашествия по личному приказу императора Франции. Как мне всё это напомнило Донбасс, особенно тот факт, что солдаты первого корпуса маршала Франции Даву, которые базировались в Новодевичьем монастыре, отбирались исключительно по национальному признаку, это были подлинные французские националисты, и они так же, как и сейчас нацисты по всей Украине, оскверняют, взрывают и уничтожают наши святыни. Ничего не изменилось за двести лет, только вот есть такие личности, как наш президент, как мне рассказал священник, который нас крестил, что восстановление этого храма по прошествии двух столетий — это инициатива главы нашего государства.

Быстро покинуть вокзал мне не удалось. Вокруг я насчитал несколько десятков человек в военной форме. Это были многочисленные разрозненные группы, которые отправлялись на фронт. Между дверьми в разные помещения вокзала в круг встали более двадцати казаков. Были развёрнуты знамёна, двое держали большой образ Богородицы, рядом был священник, и ещё один из казаков держал Евангелие. В кругу стоял старший, который подзывал к себе по одному. Слышалась клятва казака, потом казацкая плеть охаживала новобранца. Я засмотрелся.

— Давай с нами, служивый! — весело крикнул мне один из казачьего круга.

— Вам меня осталось ждать недолго, у меня впереди последний экзамен, — ответил я.

— Кадетский корпус? — поинтересовался ещё один из казаков.

— Никак нет. Московское кадетское школьное образование. Выпускной класс, — продолжил отвечать я.
— Москвич? — продолжил расспрос весельчак.
— Никак нет. Дончанин, — отчеканил я словно в строю.

— Ангела-хранителя тебе, служивый, — перекрестил меня вмешавшийся в разговор высокий и крепкий священник.

— Аминь, и храни вас Господь, — бросил я наполеonedок.

Мне вспомнилось, как ещё три часа назад я встретил Аню и она, внимательно посмотрев на меня, с улыбкой сказала: «Толкунов, а у тебя, кроме кадетской формы, вообще ещё какая-нибудь одежда есть?» — «Анюта, да форма уже для меня — вторая кожа. Понимаешь?» — спросил виновато я. «Нет, не понимаю и понимать не хочу. Мог бы и не в белой форменной рубашке меня проводить, я на твои погоны и лычки в школе нагладелась. А в фуражке не жарко?» — не устала посмеиваться моя девушка. «Не хочу быть банальным и говорить...» Но Аня меня успела перебить: «Что? Фуражка — часть твоей головы?» Мы оба рассмеялись, и я крепко обнял Аню. Я не мог выпустить её из объятий, я знал, что теперь долго не обниму её, а возможно, и никогда больше... «Женя, ты любишь меня?» — спросила Аня, едва прикоснувшись губами моего уха. Я молчал, и только мои руки ещё крепче сжали её, словно отвечая ей, раскрывая все тайны моего сердца, все планы моего ума... Но Аня теперь далеко...

Осмотревшись внимательно вокруг, я понял, что все, кто отправляется на войну, разных национальностей и, скорее всего, разных религиозных конфессий; в моей голове мгновенно вспыхнули строки стихотворения Инны Кучеровой — той, которая сейчас в Донецке, той, которая постоянно отправляется в самые горячие точки, чтобы читать свои стихи:

На призыв многолетний, серьёзный,
Чтобы спасти непреклонный Донбасс,
Отозвались и Нальчик, и Грозный,
Элиста, Чебоксары, Марас,

Благоденствия Владикавказу,
Сыктывкару и Махачкале!
Не пустили вы наци-заразу
Расползаться по русской земле...

Всё мной уже решено. Я ничего никому не буду говорить. Знаю, что разорву сердце мамы, но как по-другому? Я должен, нет, я обязан вернуться в Донецк. До Ростова-на-Дону поездом, а там — как в другом кучеровском стихотворении:

Арифметика проще простого,
И моей никакой нет вины,
Что по той же прямой от Ростова
Два часа. Два часа до войны.

Я вернусь и уйду добровольцем. Хочу взять себе позывной «Проводник», чтобы навсегда остались в сердце Казанский вокзал и железные дороги встреч и расставаний. Буду гнать нацистскую нечисть, как мой дед во время войны в составе 62-й армии Чуйкова, как мой прадед, воевавший у Щорса; буду уничтожать американцев и немцев, поляков и румын и всех, кто осмелился прийти с оружием в руках в наш родной дом. Я должен проводить их туда, где всё пылает и кипит, где запах серы и пепла не перестаёт распространяться, туда, откуда нет возврата на святую русскую землю. О появлении этих посланников вечной тьмы нас предупреждал старец Зосима. Я буду мстить за каждого, чьё имя есть на Аллее ангелов, я отомщу за все материнские и отцовские слёзы, я вернусь с победой, даже если мне будет не суждено вернуться. Мама позвоню из поезда, потом Ане; мне сейчас уже тяжелее, чем им, но иначе как считать себя мужчиной? Верю, что они меня простят. Две моих самых любимых женщины на земле. Даже если простят и поймут не сразу.

Взглянув на знаменитые часы Казанского вокзала с бронзовыми знаками зодиака вместо цифр, я подумал, что остаётся два часа и тридцать восемь минут до моего совершеннолетия и три дня до последнего выпускного экзамена, а историю я выбрал сам. Я выбрал её потому, что вся история великого Русского мира — и моя история.